

**КВИРИНУС КУЛЬМАН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ
МИСТИЧЕСКОГО ВСЕЕДИНСТВА
В КОНТЕКСТЕ БИБЛЕЙСКОЙ АРХТЕКСТУАЛЬНОСТИ**

**QUIRINUS KUHLMANN AND HIS CONCEPT
OF MYSTICAL TOTAL UNITY
IN THE CONTEXT OF BIBLICAL ARCHETEXTUALITY**

Г.В. Синоло

G.V. Sinilo

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: sinilo@mail.ru

В статье рассматривается концепция мистического всеединства выдающегося немецкого религиозного мыслителя, поэта и проповедника XVII в. Квиринуса Кульмана (Quirinus Kuhlmann, 1651–1689) в контексте библейской архетекстуальности. Показывается, что поэзия К. Кульмана, и прежде всего его сборник «Псалтирь Кульмана», или «Псалтирь охлаждающая» («Kühlpsalter») подчинена выражению его мистических идей единения всех народов и религий в лоне обновленной монотеистической религии – иезуэлизма. Исследуется также новаторство поэзии Кульмана, его влияние на поиски европейского авангарда (особенно немецкого экспрессионизма). Доказывается, что ключевыми архетекстами (смысло- и текстопорождающими текстами) для Кульмана являются Евангелия, Откровение Иоанна Богослова, Книга Псалмов и Песнь Песней.

In this paper, we consider the concept of the mystical total unity of the outstanding German religious thinker, poet and preacher of the 17th century Quirinus Kuhlmann (1651–1689) in the context of biblical archetextuality. We show that Q. Kuhlmann's poetry, and above all his collection "Kuhlmann's Psalter", or "Cooling Psalter" ("Kühlpsalter"), is subordinated to the expression of his mystical ideas of the unity of all peoples and religions in the bosom of the renewed monotheistic religion – Jesuelism. We also explore the innovation of Kuhlmann's poetry, its influence on the search for the European avant-garde (especially German Expressionism). We prove that the key archetext (meaning- and text-generating texts) for Kuhlmann are The Gospels, The Revelation, The Book of Psalms and The Song of Songs.

Ключевые слова: Квиринус Кульман; немецкая поэзия XVII в.; мистика; концепция всеединства; иезуэлизм; архетекст; библейская архетекстуальность; Евангелия; Откровение Иоанна Богослова; Книга Псалмов; Песнь Песней.

Keywords: Quirinus Kuhlman; German poetry of the 17th century; Mystic; the concept of total unity; Jesuelism; archetext; biblical archetextuality; The Gospels; The Revelation; The Book of Psalms; The Song of Songs.

В наше противоречивое, сложное время – время духовного кризиса, переоценки ценностей, обострения социальных и религиозных конфликтов, глобализации и отстаивания национальных интересов, локальных военных конфликтов и угрозы новой мировой войны – все более актуальной становится библейская идея единства человеческого рода и прихода в эсхатологической перспективе человечества, разделившегося, проходя через несправедливую историю, на различные народы и конфессии, к новому единению в Боге, к полному взаимопониманию и гармонии. Эта идея особенно актуализировалась в трагическом XVII в. – веке первой если не мировой, то всеевропейской войны. Тридцатилетняя война (1618–1648) была войной между католиками и протестантами, но прежде всего – войной за господство в Европе или даже за мировое господство. Например, ничто не мешало католической Франции воевать на стороне Евангелической унии, ибо ей невыгодно было усиление под боком и без того сильной католической Австрии – империи Габсбургов (именно австрийские и испанские Габсбурги были главной опорой Ватикана и мечтали о мировом господстве). По своей катастрофичности XVII в. оказался родственным веку XX и во многом был открыт заново (особенно велико влияние порожденного эпохой XVII в. художественного направления и великого стиля барокко). Именно барочное мышление породило великую мистику Раннего Нового времени, особенно в Германии – пантеистическую философию Якоба Бёме, поэтическое богословие Ангелуса Силезиуса, концепцию мистического всеединства поэта и проповедника Квиринуса Кульмана (Quirinus Kuhlmann, 1651–1689). Показательно, что творчество К. Кульмана вызвало новый всплеск интереса читателей и исследователей на рубеже XX–XXI вв.: переизданы основные сочинения поэта [1-3], ему посвящены диссертации (R. Schmittem, 2004 [4]; E. Kuzmin, 2009 [5]) и монографии (G. Körpf, 1995 [6]; E. Kuzmin, 2013 [7]), а также большое количество статей. В немецко- и англоязычном литературоведении достаточно полно изучены различные аспекты творчества К. Кульмана: его религиозно-философские и социально-политические взгляды, его особый экстатический язык, включающий в себя многочисленные элементы словотворчества, воздействие на него взглядов Я. Бёме и мистики Каббалы, каббалистическая и алхимическая символика в его поэзии. Однако в гораздо меньшей степени исследован диалог поэта с Библией как «осевым» архетекстом – смыслополагающим и текстопорождающим текстом европейской культуры, с наиболее важными для него в плане архетекстуально-

сти библейскими книгами – Книгой Псалмов и Песнью Песней. Проблема значимости библейского контекста и библейской интертекстуальности для творчества Кульмана поставлена лишь в диссертации Р. Шмиттема [4].

Очень слабо изучено наследие К. Кульмана в российском литературоведении, хотя первую работу о нем опубликовал еще в 1867 г. в «Русском вестнике» ректор Московского университета Н.С. Тихонравов [8], ведь трагическая судьба мыслителя-мистика и поэта оказалась тесно связанной с Россией. Эта работа была позднее перепечатана в собрании сочинений Н.С. Тихонравова и издана в Риге в 1873 г. отдельной книгой в немецком переводе под названием «Квиринус Кульман (сожжен в Москве 4 октября 1689 г.): культурно-историческое исследование» [9]. В советский период творчество Кульмана было практически забыто и не исследовалось в связи с идеологическими запретами, в том числе распространившимися на всю литературу барокко (сам термин был нелегитимным, а барокко понималось как «ущербное», «идейно-надломленное» искусство). Ситуация немного изменилась в годы «оттепели», и в 1963 г. к наследию Кульмана, его связям с мистическим протестантским движением Чешских Братьев обратился будущий академик РАН А.М. Панченко [10]. И только в 1980-е гг. поэт обрел свое место в академической «Истории всемирной литературы» – в главе о немецкой литературе XVII в, написанной выдающимся российским германистом Б.И. Пуришевым. Однако немецкому мистiku в этом очерке посвящено всего несколько, хотя и ярких, страниц [11, с. 251-252]. В белорусской гуманитарной науке исследованием творчества К. Кульмана занимался и занимается только автор данной статьи [12]. При этом особый интерес представляет и нуждается в дальнейшем исследовании центральная концепция творчества мыслителя и поэта – мистическая концепция всеединства, уходящая корнями в Библию и ее толкования в еврейской и христианской мистике.

К. Кульман родился в центре Силезии – в Бреслау (Бреславле, нынешнем Вроцлаве), который стал эпицентром блистательного расцвета немецкой поэзии. Именно с Бреслау, с Силезией связана деятельность Мартина Опица – «отца» немецкой поэзии Нового времени, создателя Первой Силезской школы, а также поэтов Второй Силезской школы во главе с К.Г. фон Гофмансвальдау, получившим в Париже титул короля европейских поэтов. Неслучайно в Германии XVII в. сложилась поговорка: «Силезец – значит, поэт». Современники шутили, что в Силезии по одному поэту на каждый дом. Подтверждением этому стал и К. Кульман, родившийся в состоятельной купеческой семье. Он изучал юриспруденцию в университетах Эрфурта, Иены и Лейпцига, но вся его

душа и главное увлечение было сосредоточено на поэзии и религии, более того – на крепнущей вере в собственное особое предназначение. К. Кульман утвердился в этом, когда в восемнадцатилетнем возрасте тяжело заболел, балансировал на грани жизни и смерти, чудом выжил, пережив ослепительно яркое видение ангела, возвестившего ему о его особой миссии и обещавшего свое покровительство. Некогда подобное видение стало причиной духовного преображения Я. Бёме, мистической философией которого увлекся К. Кульман и посвятил ему книгу «Ново-одухотворенный [Воскрешенный] Бёме» («Der neubegeisterte Böhme», 1674) [3]. Вероятно, Кульман полагал, что в нем возродилась душа великого мистика.

Как нам уже приходилось писать, «под воздействием Бёме складывается собственная панентеистическая концепция Кульмана, основанная на идее всеприсутствия Бога в мире: мир пребывает в Боге, а Бог – в мире, обеспечивая единство мирового целого. Но грехи людей, и в первую очередь сильных мира сего и духовных пастырей, не соответствующих христианскому идеалу, привели к деструкции мира, к затмению Бога и образа Божьего в мире и в человеке, к воцарению антихриста. Католическую Церковь Кульман именуется “головой антихриста”, а лютеран и реформатов (кальвинистов) – “антихристовыми волками, медведями и львами” (“Воскрешенный Бёме”). Его возмущают межконфессиональная рознь, страдания людей под гнетом деспотизма. Кульман разделяет взгляды хилиастов, мечтающих о тысячелетнем Царстве Божьем на земле (в этом плане важным архетекстом для него оказывается новозаветный Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова, в котором впервые изложены эти взгляды)» [12, с. 201]. Воображение мыслителя рисует утопию обновленного мира, в котором исчезли барьеры, разделяющие людей, все человечество объединилось под сенью Единого Бога, как о том предсказывали пророки в своих видениях Мессинской эры. В этом мире – Царстве Божьем – нет государств и церквей, но есть единая религия, которую Кульман именуется *иезуэлизмом*. Это слово образовано им от изобретенного им же имени *Иезуэль ‘Иисус-Бог’*, в котором соединены имя Иисуса – *Jesu* – и древнейшее именование Бога в Библии – *El*. Речь идет о некоем идеальном толерантном христианстве, не тождественном существующему, объединяющем, подобно экуменизму, людей различных конфессий. Мир, в котором исповедуют иезуэлизм, основан на подлинной теократии – боговластии, на подчинении только Богу и выполнении Его заповедей, населенный праведниками, «без каких бы то ни было грехов, без шаек и сект, без войн и раздоров, без нужды и хлопот, болезней и горя, и будут жить люди так, как

некогда жили в раю до грехопадения Адама» («Воскрешенный Бёме»; цит. по: [11, с. 251]).

Царство Божье на земле, в котором царем является Иезуэль, Кульман рисует в утопии «О монархии Иезуэлитской» (1682). Эта монархия является «пятым царством», которое должно прийти на смену четырем безбожным державам, борющимся за мировое господство и символически предстающим в виде страшных фантастических зверей в Книге Пророка Данииля (*Дан 7:1–26*), а затем в Откровении Иоанна Богослова (*Откр 13, 17*). В библейских книгах царство, кладущее конец «зверинной» силе и гнету нечестивых царств, названо «царством Всевышнего», «царством вечным»: «Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, которого царство – царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему» (*Дан 7:27*); «...царство мира соделалось *Царством* Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (*Откр 11:15; здесь и далее Синод. перевод*). В утопии Кульмана это Царство, в чем-то весьма напоминает республику в ее идеальном варианте: здесь есть парламент, в котором представлены все сословия, здесь всем доступно образование, развивается наука, царит социальная справедливость и свобода совести. Этим идеалам соответствует обновленная Христианская Церковь, осуществляющая на деле заветы «Вечного Евангелия».

Вновь и вновь переживая видения-откровения, живя, как и Бёме, в предельном напряжении духовных и физических сил, Кульман вскоре решил вести жизнь странствующего проповедника и делать открывшееся ему знание достоянием других людей. Он понимает свою миссию как подготовку людей к преобразованию мира по законам иезуэлитской веры, способствовать осуществлению «истинной Реформации», продолжая традицию «отцов» новой немецкой мистики И. Арндта (J. Arndt), И.В. Андреэ (J.V. Andreae) и все того же Я. Бёме. Более того, с некоторого времени Кульман уверовал в то, что он является особым посланником Божиим, именуется «сыном Сына Божьего», представляет себя предтечей Мессии (и тогда, возможно, реинкарнацией Иоанна Предтечи, или Крестителя). Проповеди Кульмана в разных городах Германии и за ее пределами, в которых резко критиковалось современное социальное устройство, политика (в том числе и церковная), провозглашался скорый приход Мессии, привлекли внимание многих и вызвали опасение официальной Церкви (и протестантской, и католической). Согласно пророкам, Мессия должен прийти на Святую Землю, на Масличную (Елеонскую) гору в Иерусалиме, поэтому в 1678 г., пережив очередное видение, Кульман отправляется в Стамбул, бывший Константинополь, который он именуется «городом коронавания Константина»

(*Constantinens Krönungsstadt*) [1, Bd. 1, S. 32]. Он хочет добиться аудиенции у самого турецкого султана, чтобы объявить ему необходимость освобождения Святой Земли, находившейся тогда под властью Османской империи, и попытаться обратить его в свою веру. Это едва не закончилось трагически: Кульман подвергся преследованиям и бежал из Стамбула. Через некоторое время он узнает, что в Немецкой слободе в Москве появились последователи учения Бёме, и в 1689 г. предпринимает миссионерскую поездку в Россию. Послушав его проповедь, местный пастор донес на Кульмана православному патриарху. В результате проповедник и поэт был арестован и сожжен живьем на берегу Москвы-реки как опасный ересиарх и смутьян (см. подробнее: [13; 8; 9]).

Все свое поэтическое творчество К. Кульман подчинил выражению своих идей. Так, показателен его духовный гимн «Очертанье примет плоть» из сборника «Пятнадцать песен» (1673). Поэт провозглашает в нем грядущее единство рода человеческого. Развивая идеи Майстера Экхарта и Якоба Бёме, Кульман говорит о том, что в нем самом, в его душе родился Сын Божий, и это должно произойти с каждым человеком, чтобы мир мог прийти к своему идеальному состоянию:

«И очертанье да воспримет плоть! / В один народ сольются все народы. / В своем единстве триедин Господь. / В зерне сокрыты триединства всходы. / Во мне самом воссоздан Сын Господень, / Пусть и у вас, в сердечной глубине, / Он вызреет, прекрасен и свободен. / Вы Господа обрящете во мне. / Не тысячу дробить на единицы, / А в тысяче им воссоединиться! // Единой силой четырех ветров / Единозвучье держится земное, / В неисчислимом множестве миров – / Чертеж еще несозданного мною. / Мой разум размышленьем поглощен. / Смысл величайших истин мне открылся. / В дыханье Сына Дух Мой воплощен, / Мной выплесну, в любви он растворился. / И означало это вознесенье / Людского рода Вечное Спасенье» (*здесь и далее поэтический перевод Л. Гинзбурга*) [14, с. 173].

Поэт входит в образ Иисуса и говорит от Его имени как «нового Адама», призывая человечество к преображению и возвращению на новом витке к изначальной гармонии, задуманной Творцом. В финале поэт вновь говорит от имени Отца и Сына, дерзко вписывая в контекст гимна и себя самого как «сына Сына Божьего», призванного возвещать Его учение:

«Обожествленный, днес являюсь к вам. / Я – Господа вернейшее зеркало. / Я – как перед падением Адам: / В нем первое прозрение мерцало! / Что света свет, светильник светел мой. / И высшему добру во угожденье, / Мой Сын, вступив в единоборство с тьмой, / Рождает свет, сам света порожденье. / И, светоносным наделенный даром, / Он огненным, отцовским пышет жаром. // Как знать, когда утратили Меня / Народы, расплывшие Адамом? / Но вас, от расплывления храня, / К Себе зову и к общности тем самым. / О вас печалюсь, Мы явились с Сыном / Проклятые, что на вас, перебороть. / Да станет человечество

единым! / И очертанье да воспримет плоть! / И в этом мы дотоле не смиримся, / Пока во всех сердцах не воцаримся!» [14, с. 174].

Важнейшим поэтическим произведением К. Кульмана, в котором он одновременно излагает свое учение, является его авторская «Псалтирь» в двух томах, вышедшая в свет в 1684–1686 гг. в Амстердаме (в это время в Германии его книги уже запрещены, как и книги Я. Бёме). Точнее, сборник называется «Kühlpsalter», и в этом названии заключена особая символика: это и «Псалтирь Кульмана», и «Псалтирь охлаждающая» – охлаждающая от адского пламени, ведь мир, как сказал в свое время Я. Бёме, «уже стоит посреди ада». Поэт дает понять, что каждый человек, погрузившийся в мир его «Псалтири» и разделяющий его учение, уже огражден от адского пламени.

В названии сборника паратекстуально задается его связь с генеральным архетекстом – библейской Книгой Псалмов. При этом «Kühlpsalter» не является напрямую целостным переложением Псалтири – в отличие, например, от «Псалтири» Яна Кохановского и «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого. Кроме того, что в сборнике, как и в библейской книге, 150 стихотворений (каждое из них нумеруется и называется или «Песнью» (*Gesang*), или «Псалмом Кульмана» (*Kühlsalm*), никакого прямого соотношения с тем или иным библейским псалмом по содержанию и структуре они не имеют. Связь с Псалтирью в целом проявляется на уровне явных и скрытых цитат и аллюзий. Из этого следует, что «Kühlpsalter» не парафраз, но творчество, инспирированное духом Псалтири и примером Давида Псалмопевца. Сам Кульман называет посещающее его вдохновение, процесс творчества и его результат неологизмом – процессуальным существительным *Davidisiren* ‘давидизирование’. Поэт входит в образ Давида, глазами Псалмопевца видит и современность, и свою собственную жизнь. В прозаических преамбулах к каждому псалму Кульмана (в своеобразных надзаголовках, как в Книге Псалмов, где даются указания регенту хора) – вся его духовная биография и вся география его странствий. Так, в надзаголовке «Первого песнопения» («Der 1. Gesang») поэт, говоря о себе в третьем лице, поясняет, когда и в какой ситуации был создан его псалом: «Als er zum Davidisiren unter geistlicher Anfechtung getriben ward in Jehna, dahin er von Breslau den 20 Septemb. 1670 ausreisend, 15 Monden nach seinem Erleuchtungsmay 1669, über Lignitz, Buntzlau, Görlitz, Leipzig, Lützeu, Naumburg im October ankommen» [1, Bd. 1, S. 4]. ‘Когда он к давидизированию как к духовному испытанию был призван в Иене, куда он после отъезда из Бреслау 20 сентября 1670 г., через 15 месяцев после своего просветления в мае 1669 г., прибыл в октябре через Лигниц, Бунцлау, Гёрлиц, Лютцен, Наумбург’.

«Просветление» в мае 1669 г. – это первое откровение, пережитое поэтом в восемнадцать лет и кардинально изменившее его жизнь. Кульман ощущает себя новым Псалмопевцем, явившимся в мир, чтобы воспеть новую песнь любви к Богу. Первое песнопение, имеющее форму стансов из семи строф (числовая символика чрезвычайно увлекает поэта), и представляет собой страстное объяснение в любви к Иисусу и опирается на топику Псалтири и Песни Песней. Как мы отмечали ранее, «отсылка к Псалмам в этом тексте присутствует лишь на уровне общей интонации, экстатического подъема, присущего немногочисленным Хвалениям в чистом виде, и отдельных знаковых слов и выражений – таких, как “полные вздохов уста” (*der seufftzervoller Mund*), “ужасная пасть бездны” (*der grause Abgrundschlund*), могущая поглотить человека (*Mus ich dann verschlungen warden / Von dem grausen Abgrundschlund?*). Топику Песни Песней также вводят отдельные знаковые слова, являющиеся сгустками смыслов, несущими в себе память об архетексте и его мистическом толковании. Это прежде всего слова “любовь”, “поцелуй”, “целовать”, “возлюбленный души” (*Seelenlibster*) и далее, в шестой строфе – “стрелы любви” (*Libespfeile*), в седьмой – “медовые соты” (*Honigseim*)» [12, с. 205]. В седьмой, финальной, строфе поэт вновь определяет то, что с ним происходит, как «давидизирование» и говорит, что не только Давид, но и сам Иисус вдохновляет его, и именно в таком состоянии поэт исполняет свое истинное предназначение, а созданная им поэзия становится божественной: «*Sein Gemütt Davidisirte: / Was er sagte, ward ein Reim. / Jesus war, der ihn regirte: / Gottes Lob ward Honigseim. / Wo das Gotteslob erklinget, / Lebet alles Gott verzückt: / Wann di Verskunst Gott besinget, / Wird si göttlich angeblickt*» [1, Bd. 1, S. 6] ‘Его душа давидизировала: / Что он сказал, становилось стихом. / Иисус был тем, кто им руководил: / Хвала Богу становилась сотовым медом. / Где зазвучит хвала Богу, / Все живет, охваченное восторгом перед Богом, / Когда поэзия [искусство стиха] воспевает Бога, / Она становится божественной’ (*здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.*).

Кульман опирается также на уже устойчивую к этому времени в немецкой поэзии традицию духовной песни, заложенную М. Лютером: в этом ряду – духовные песни М. Опица, П. Флеминга, С. Даха, И. Риста, П. Герхардта и других. Духовная песня отличается чрезвычайно четким ритмом, песенными структурами, ведь она изначально предназначена для пения. Но в отличие от духовной песни в ее классическом понимании, тяготеющей к большей или меньшей прозрачности, ясности стиля, песнопения Кульмана, сложны по своей метафорике, насыщены многочисленными неологизмами. Так, в «Третьем песнопении» («*Der 3. Gesang*»), поэт настойчиво повторяет слово-лейтмотив *heilig* ‘святой’

и составляет новые слова из этих повторов. Например, как анафора в нечетных строках третьей строфы звучит *heiligheiligheilig* ‘святосвятосвято’ или ‘святсвятсвят’, что отсылает к знаменитому месту в Книге Пророка Исаии, где ангелы трижды провозглашают святость Бога: «И зывали они друг к другу, и говорили: свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (*Ис 6:3*). При этом Кульман обыгрывает тот факт, что по-немецки *heilig* – и прилагательное («святой»), и наречие («свято»): «*Heiligheiligheilig singen / Ist im Himmel sonder zil: / Heiligheiligheilig klingen / Ist ein stetes Engelspiel: / Heiligheiligheilig loben / Ist das schönste thun dort oben*» [1, Bd. 1, S. 8] ‘Святсвятсвят [святосвятосвято] петь – / Это на небе особая цель: / Святсвятсвят [святосвятосвято] звенеть [звучать] – / Это постоянная ангелов игра: / Святсвятсвят [святосвятосвято] хвалить – / Это прекраснейшее дело там, наверху’.

Однако в основном псалмы Кульмана написаны самыми разнообразными, иногда очень сложными, ритмами: здесь и различные силлаботонические размеры, и белый стих, и имитация библейского тонического стиха, и приближение к свободным ритмам (верлибру). Для манеры поэта неизменно характерен предельно эмфатический синтаксис, насыщенный восклицаниями и зываниями, разрывающими стих, придающими особую эмоциональность, взволнованность, напряженность поэтической речи.

В «Третьем песнопении» и многих других псалмах Кульмана предстает печальная картина мира, в котором извращено и превращено в собственную противоположность абсолютно все, в котором царит не единство, а разъединенность, в котором забыли, что такое любовь (при этом поэт играет однокоренными словами, создавая с помощью префиксов антонимы, как, например, *Lieb entlibt* ‘любовь разлюбила’. В сборнике очень сильна социальная критика: Кульман клеймит тиранию, корыстолюбие и алчность власть имущих и богачей, но главное – лицемерие официальных христианских конфессий, не соответствующих идеалам Христа. Вслед за Я. Бёме он утверждает, что настоящий христианин возводит Церковь в собственной душе. Подлинно достойным человека мир будет тогда, когда в душе каждого родится Сын Божий, а на трон взойдет Дух Божий. Так утвердится на земле «Царство Милосердия, Писания, Природы» (*Das Reich der Gnaden, Schrift, Natur*), т. е. единство Божьих, человеческих, естественно-природных законов, на которых и будут базироваться истинная Церковь Божья и истинное служение Богу. Так, в финале «Псалма Кульмана 7-го (37-го)» («*Der 7. (37.) Kühlpsalm*»), представляющего собой развернутое мистическое видение (неслучайно в надзаголовке автор говорит о том, что он

«Бёмизировал» – *Böhmisirte* – у врат райского «розового сада»), поэт обращается к душе каждого человека:

«Komm, Libster, komm! Las erst zur Kirchen gehn! / Las opffern uns um Hülfsland wahres Beten! / Di Kirche mus in uns gebauet stehn: / Es ist in uns, darein wir eifrig treten. / Das Reich der Gnaden, Schrift, Natur, / Das hat in uns di beste Spur. / Gott Vater selbst gebährt in uns den Sohn: / Drauf geht der Geist in uns aus Gottes Thron. / Drum lasse uns di Gottes-Kirche bleiben; / Lass Gottedinst hirinnen ewigst treiben» [1, Bd. 1, S. 145–146].

«Приди, Возлюбленный, приди! Давай сначала пойдем в церковь! / Давай принесем истинную молитву за страну Спасения! / Церковь должна быть выстроена в нас: / Это в нас, куда мы ревностно вступаем. / Царство Милосердия, Писания, Природы [Естества], / Которое оставляет лучший след в нас. / Сам Бог Отец родит в нас Сына: / Так войдет Дух в нас с Божьего трона. / Поэтому давай в Божьей Церкви останемся, / Давай здесь, внутри, вечно нести Божью службу».

Как очевидно, ведущую архетекстуальную роль здесь играют Евангелия, Псалмы и в плане метафорики – Песнь Песней. Истинное предназначение человека, согласно Кульману, – стать живым храмом Божьим, осуществлять служение Богу в храме своей души. Это не означает лишь пассивного противостояния злу, но предполагает активное, действенное добро, а для самого поэта и духовидца – еще и воздействие словом на души людей. Все силы своей души и своего таланта Кульман подчиняет этой цели. Так, например, 50-й, юбилейный, «Псалом Кульмана» наглядно демонстрирует, как душа поэта настолько растворяется в молитвенном экстазе и ликовании, что становятся вторичными рациональные смыслы, отступает конвенциональный синтаксис. Все это делает поэта авангардистом своего времени, «модернистом до модернизма», особенно близким экспрессионизму. Архетекстом же для этого и многих других псалмов Кульмана, исполненных безудержного ликования, выступают те Псалмы, которые представляют собой хваления в чистом виде, открывающиеся знаменитым *Аллилуия!* (см. *Пс 110/109, 111/110, 112/111, 134/133, 145–149*), но особенно – Псалом 150-й и начало Псалма 107/106-го: «Готово сердце мое, Боже; буду петь и воспевать во славе моей. // Воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано. // Буду славить Тебя, Господи, между народами; буду воспевать Тебя среди племен» (*Пс 107/106: 1–4*). Периодически появляющееся как знак, как сгусток важных смыслов слово *dauidisir!* ‘давидизируй!’ указывает на осознанную преемственную связь поэта с Давидом, на творчество в духе великого Псалмопевца.

Такого же ликования исполнен «1-й (61-й) Псалом Кульмана», («Der 1. (61.) Kùhlpsalm»), провозглашающий единение и духовное возрождение в Иисусе всех народов и конфессий, слияние воедино всего человечества:

«Jauchztz, Völker! Heiden, jauchztz! Jauchztz, Sprachen einger Sprach! / Jauchztz, Väter! Brüder, Jauchztz! Jauchztz, Kinder, nach und nach! / Wir jauchzten hoch! Triumf! in Jesusziren! / Ein freudgeschrei! Triumf! ist nur zuspüren! / JEHOVA bringt! Triumf! dis Triumfiren! / Jauchztz jauchtzend jauchztz JehovaJesum, Gott den Herrn! / TriumffsTriumffsTriumff JehovaJesen nah und fern!» [1, Bd. 2, S. 9].

«Ликуйте, народы! Племена, ликуйте, языки одного языка! / Ликуйте, отцы! Братья, ликуйте! Ликуйте, дети, вновь и вновь! / Мы ликуем высоко! Триумф! в красе Иисуса! / Крик радости! Триумф! Чувствуем! / ИЕГОВА приносит! Триумф! это триумфирование! / Ликуй ликуя ликуй ИеговаИисус, Бог Господа! / Триуифтриумфавтриумфов ИеговаИисус близко и далеко!»

И вновь экстазическое состояние души влечет поэта к словотворчеству: он соединяет в одно слово два или даже три, как, например, *TriumffsTriumffsTriumff* ‘триумфтриумфавтриумфов’. Это своеобразная тройная превосходная степень, образованная по библейскому образцу, или *JehovaJesum* ‘ИеговаИисус, ИеговаИисуса’. Так же необычно словоупотребление *Gott den Herrn* ‘Бог Господа’.

В предшествующем же «15-м (60-м) Псалме Кульмана» («Der 15. (60.) Kùhlpsalm»), завершающем четвертую книгу и первый том в целом, слово «торжество», или «триумф», становится генеральным лейтмотивом, повторяясь бесчисленное количество раз, выступая также в качестве анафоры:

«Triumf! Gott hat allein! Triumf, Triumf! di ehr! / Triumf! Gott thuts und sonst! Triumf, Triumf! nichts mehr! / Triumf! Gott hat erhöht! Triumf, Triumf! elende! / Triumf! Barmhertziglich! Triumf, Triumf! ohn Ende! / Triumf! Gott gibt dem Sem! Triumf, Triumf! di hütt! / Triumf! Ham hats genug! Triumf, Triumf! besessen! / Triumf! O grosse lib! Triumf, Triumf! voll gütt! / Triumf! des Nimrods wird! Triumf, Triumf! vergessen! / Triumf! O Haupttriumff! Triumf! zum Jessuspi! / Triumffs Triumffs-Triumff! Triumf! der ohne zil!» [1, Bd. 1, S. 308–309].

«Триумф! Бог един! Триумф, триумф! честь! / Триумф! Бог вершит и свершает! Триумф, триумф! ничего более! / Триумф! Бог возвышает! Триумф, триумф! убогих [нищих]! / Триумф! Милостивейший! Триумф, триумф! без конца! / Триумф! Бога дает Шему [Симу]! Триумф, триумф! приют! / Триумф! Хам больше не одержим! / Триумф! О великая любовь! Триумф, триумф! полный блага! / Триумф! Нимрод [Немврод]! Триумф, триумф! забыт! / *Триумф! О главный триумф! Триумф Страстей Иисуса! / Триумф-триумфа триумфов! Без цели!*»

Перенасыщенность «триумфом» (и эмоционально, и словесно) достигает апогея в финальной строфе: ключевое слово повторяется сорок раз (см.: [1, Bd. 1, S. 309]), и это, конечно же, связано с тем, что в библейской числовой эстетике «сорок» (дней или лет) и кратные ему числа означают срок исполнения Божьей воли – испытания, наказания или благодати. «Душа поэта растворяется в бурной динамике чувств и провозглашает «триумф! который без цели» (*Triumf! der ohne zil*), т. е. тор-

жество в чистом виде, из чистой любви к Богу. Показательно, что в это триумфирование Кульман включает не только всех знаменитых позитивных героев Библии (в том числе, разумеется, и Давида Псалмопевца), но также и великих духовидцев недавнего прошлого (например, немецкого мистика Иоганна Таулера) и настоящего (своего обожаемого Бёме). Таким образом, поэт осознанно и настойчиво связывает в своих псалмах библейскую древность и современность, проводит скрытые параллели между собой и Давидом» [12, с. 211].

Во «2-м главном финале главных финалов 117-го псалма Кульмана» («2. Des 117. Kùhlpsalmes Hauptschluß des Hauptschlusses», 1685), завершающего первое издание его «Псалтири», поэт обращается ко всем семидесяти народам, образовавшимся, согласно Библии, после крушения Вавилонской башни и перечисленным в «таблице народов» (*Быт 10*), а также к их наследникам – современным странам (Австрии, Турции и т. д.) с призывом низложить своих неправедных властителей и признать Единого подлинного Царя – Бога Иисуса.

После выхода своей «Псалтири» Кульман создает еще «Дополнения», или «Восполнения пропусков», к своей «Псалтири» (*Paralipomena zum Kùhlpsalter*), так что его авторских псалмов оказывается ровно 150. Однако, как очевидно, это не переложение Псалтири в обычном смысле слова, но дерзкое творческое соревнование с ней, «давидизирование». При этом поэт обильно вводит в свои авторские псалмы современный, актуальный материал, критикует социум и политику официальной Церкви (Церквей), а также неизменно излагает основы своей иезуэлитской религии. Связь с Книгой Псалмов как генеральным архетекстом проявляется на уровне смыслополагания, паратекстуальном, интертекстуальном, метатекстуальном, сопровождается бурной динамизацией первоисточника и столь же бурным словотворчеством, а также новаторскими ритмическими поисками. При этом чаще всего сохраняется присутствующая библейской книге интонация особой интимности, доверительности в диалоге между человеком и Богом. Иногда поэт говорит о своих личных страданиях, из глубины этих страданий обращается к Богу, добивается поразительной искренности интонации и максимально приближается к духу библейских Псалмов, в которых, по словам С. С. Аверинцева, Бог «из космической силы... становится... прежде всего поверенным человеческих страданий и надежд» [15, с. 288]. Таков, например, «4-й (64-й) Псалом Кульмана» («Der 4. (64.) Kùhlpsalm»), начинающийся на ноте предельной боли: «*Aus tiffster Noth schrei abgemergelt Hertz!*» [1, Bd. 2. S. 19] ‘Из глубочайшей беды кричи, измученное сердце!’ Поэт призывает Бога на помощь и задает вечный вопрос: «Что есть человек?» (*Пс 8:5*), но с существенным горько-личностным и одно-

временно остросоциальным добавлением: «Was ist der Mensch, der ewigst wird gepresst?» [1, Bd. 2. S. 19] ‘Что есть человек, вечно теснимый [угнетаемый]?’

Как известно, поэты барокко во многом предвосхитили поиски поэтов модернизма (особенно немецкого экспрессионизма). В наибольшей степени это касается поэзии К. Кульмана. Неслучайно известный немецкий поэт, классик постмодернизма Ганс Магнус Энциенсбергер называет его в числе предтеч «эстетической комбинаторики», свойственной постмодернистской поэтике [16]. Прекрасным подтверждением новаторских поисков Кульмана является его знаменитый экспериментальный сонет из раннего сборника «Небесные поцелуи любви» («Himmlische Libes-Küsse», 1671) – «Чередование [Изменчивость] человеческих забот [мук]» («Der Wechsel menschlicher Plagen»). Это сонет с необычайно длинными строками, построенный на длинных цепях перечислений явлений действительности, человеческих состояний, феноменов духа, человеческих мук, словно бы поэт задался целью (возможно, и действительно задался) перечислить атрибуты нашей противоречивой, поражающей контрастами цивилизации:

«Auf Nacht, Dunst, Schlacht, Frost, Wind, See, Hitz, Süd, Ost, West, Nord, Sonn, Feur und Plagen. / Folgt Tag, Glanz, Blut, Schnee, Still, Land, Blitz, Wärm, Hitz, Lust, Kält, Licht, Brand und Not: / Auf Leid, Pein, Schmach, Angst, Krieg, Ach, Kreuz, Streit, Hohn, Schmerz, Qual, Tück, Schimpf als Spott / Will Freud, Zier, Ehr, Trost, Sieg, Rat, Nutz, Fried, Lohn, Scherz, Ruh, Glück, Glimpf stets tagen. // Der Mond, Gunst, Rauch, Gems, Fisch, Gold, Perl, Baum, Flamm, Storch, Frosch, Lamm, Ochs und Magen / Liebt Schein, Stroh, Dampf, Berg, Flut, Glut, Schaum, Frucht, Asch, Dach, Teich, Feld, Wies und Brot: / Der Schütz, Mensch, Fleiß, Müh, Kunst, Spiel, Schiff, Mund, Prinz, Rach, Sorg, Geiz, Treu und Gott / Sucht's Ziel, Schlaf, Preis, Lob, Gunst, Zank, Port, Kuß, Thron, Mord, Sarg, Geld, Hold, Danksagen. // Was gut, stark, schwer, recht, lang, groß, weiß, Eins, ja, Luft, Feur, hoch, weit genennt, / Pfllegt bö, schwach, leicht, krumm, breit, klein, schwarz, drei, neun, Erd, Flut, tief, nah zu meiden. / Auch Mut, Lieb, Klug, Witz, Geist, Seel, Freund, Lust, Zier, Ruhm, Fried, Scherz, Lob muß scheiden, / Wo Furcht, Haß, Trug, Wein, Fleisch, Leib, Feind, Weh, Schmach, Angst, Streit, Schmerz, Hohn schon rennt. // Alles wechselt, alles liebt, alles scheint was zu hassen: / Wer aus diesem nach wird denken, muß der Menschen Weisheit fassen» [2, S. 53–54].

Л. Гинзбург назвал свой перевод «Изменчивая сущность бытия человеческого», не сохранил форму сонета, но постарался еще больше акцентировать новации Кульмана на уровне ритмомелодики и синтаксиса, усилив контрастность долгих и коротких строк и введя эффектные анжанбеманы, когда союз *и* остается в предыдущей строке (подобного нет в оригинале):

«Вот оно: мрак, чад, бой, хлад, юг, восток, запад, север, / Солнце, море, ветер, огонь и / Ужас: «Вдруг не помогут?!» / На это: свет, синь, кровь, снег, зной, жар, прохлада, мороз, / Сиянье, берег, затишье, пожар и / Гнусных издевок готгот. // Гнет, страх, крик «ах!», боль, вопль, яд, лезть, чернота коварства. / Но будет: гнет свобода согнет, страх – в прах! Боль обезболь! / Вот оно – от всех болезней лекарство! // Луна, огонь, алмаз, дым, овца, деревцо, аист, рыба. / Кому ночь нужна, кому печь нужна, кому оправа, кому труба, / Кому луг, кому сад, кому гнездо. Кто за озеро скажет спасибо! / Хлебу нужен желудок, / Мысли – рассудок. // Стрелок, человек, прилежанье, искусство, игра, / Рот, корабль, принц, горе, месть, верность, стяжанье, / Бог... // Каждому нужно свое: / Цель, место для сна, поощренье, награда, добрая ссора, / Поцелуй, возвращение в порт, трон, могила, убийство, любовь, / Святая молитва... / Что считается сильным, добрым, весомым, прямым, длинным, / Белым, большим, одиноким, / Что, как воздух, всесуше и высоко, что огонь, / Не сойдется со слабым, злым, легким, / Кривым и широким, / Черным, маленьким, с цифрами «девять» и «три». / И ни землю, ни воду они не приемлют! / Так отвага, любовь, остроловие, ум, слава, радость, / Красота и веселье покинут тотчас же края, / Где царят лицемерье, трусость, вражда, / Тугодумье, глупость, бесславье и скука, / Где уродство соседствует с тошнотворной тоской. // Все меняется в мире, все любит и все ненавидит, / Тот, кто это поймет, кто воочию это видит, / Тот узнает, / Как род наш устроен людской» [13, с. 171–173].

Показательно, сколь сложна картина духовной и душевной жизни человека, как и в целом картина мира, представляющая в этом необычном, авангардном сонете. Поэт проецирует внутреннее состояние человека, разрывы и борения его души и сознания на весь мир и одновременно итериоризирует внешний мир, через его атрибуты. Это мир, в котором одна забота сменяется другой, одно страдание – другим, но в котором есть место любви и надежде и есть надежда, что ненависть будет побеждена любовью. Две финальные четыре строки звучат как выстраданный философский тезис: ‘Все чередуется [меняется], все любит, все, кажется, ненавидит: / Кто исходя из этого будет мыслить, сможет мудрость людскую постичь’. «Картина мира и человеческой души в представлении Кульмана поражает именно своей неоднозначностью, типично барочной плюралистичностью, противоборством и соединением контрастов. В плане синтаксической и ритмической организации стихотворение отмечено новациями: нанизывание перечислений, асиндетоны, в которых задействовано до тринадцати кратких односложных слов и столько же ударений, следующих друг за другом и как нельзя лучше передающих невероятную тяжесть бытия; соединение элементов силлаботоники, книттельферса и свободного стиха (верлибра)» [12, с. 213].

Таким образом, К. Кульман разработал весьма оригинальную религиозно-мистическую концепцию – *иезуэлизм*, основанный на панентеистическом мировоззрении, на стремлении осуществить заветную идею

Библии, особенно ярко репрезентированную в пророческих и апокалиптических сочинениях, а также в Евангелиях, – идею прихода человечества к подлинному единению в Духе Божьем. Концепция Кульмана носит мессианско-эсхатологический характер и опирается на идеи хилизма – Тысячелетнего Царства Божьего на земле, имплицитно присутствующую еще у пророков и эксплицированную в Откровении Иоанна Богослова. Кроме того, в концепции иезуэлизма очевидны тенденции экуменизма, стремления найти общие основания всех конфессий, связанных с Библией, и примирить их. Все свое поэтическое творчество К. Кульман подчиняет разъяснению своих заветных идей и выражению в слове своего уникального мистического опыта – видений и озарений, которые он переживал. При этом можно утверждать, что «осевым» архетекстом – смысло- и текстопорождающим текстом – для Кульмана становится Книга Псалмов (Псалтирь), особенно в авторской и дерзко новаторской «Псалтири Кульмана», или «Псалтири охлаждающей» («Kühlpsalter»). Не менее важна и архетекстуальная роль Песни Песней в ее аллегорической и мистической интерпретациях. «Осевым» архетекстом Песнь Песней становится в раннем экспериментальном сборнике Кульмана «Небесные поцелуи любви». Поэтические эксперименты Кульмана, как и в целом дух его поэзии, ее особая экстатичность, оказывают влияние на поэтов позднего барокко, на поэтов-пиетистов, в том числе и на великого немецкого поэта-новатора Ф. Г. Клопштока, а также на поиски поэтов модернизма. Сама же мистическая концепция всеединства, созданная К. Кульманом, – концепция единения Бога и мира (мир пребывает в Боге, Бог пребывает в мире), Бога и души человеческой, единения всех людей, народов и конфессий в обновленной религии Единобожия – не теряет своей актуальности и в наше время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Kuhlmann Q. Kühlpsalter: in 2 Bd. Tübingen : De Gruyter, 1971. Bd. 1. 360 S.; Bd. 2. 409 S. (2. Aufl. – 2013).
2. Kuhlmann Q. Himmlische Libes-Küsse / hrsg. von B. Biehl-Werner. Tübingen: Niemeyer, 1971. XVI+71+26 S.
3. Kuhlmann Q. Der Neubegeisterte Böhme : in 2 Bd. / hrsg. von J.P. Clark. Stuttgart : Hiersemann, 1995. Bd. 1. LI+218 S.; Bd. 2. VI+232 S.
4. Schmittem R. Die Rhetorik des Kühlpsalters von Quirinus Kuhlmann. Dichtung im Kontext biblischer und hermetischer Schreibweisen : Diss. / Universität zu Köln. Köln, 2004. 282 S.
5. Kuzmin E. Alchemical Imagery in the Works of Quirinus Kuhlmann (1651–1689): PhD Diss. / Hebrew University at Jerusalem. Jerusalem, 2009. 520 p.
6. Köpf G. Der Kühlmonarch: Eine Selberlenenbeschreibung. Austin (Texas): Dimension, 1995. 110 p.

7. Kuzmin E. Alchemical Imagery in the Works of Quirinus Kuhlmann (1651–1689). Wilsonville (Oregon): Sirius Academic Press, 2013. 464 p.
8. Тихонравов Н.С. Квирин Кульман // Русский вестник. 1867. № 11. С. 183–222; № 12. С. 560–594.
9. Tichonrawow N.S. Quirinus Kuhlmann (verbrannt in Moskau den 4. October 1689): Eine kulturhistorische Studie. Riga: N. Kymmels Buchhandlung, 1873.
10. Панченко А.М. Квирин Кульман и «чешские братья» // Труды Отдела древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР; под ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. XIX: Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур. С. 330–347.
11. Пуришев Б.И. Немецкая литература // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1987. Т. 4. С. 235–265.
12. Синило Г.В. Книга Псалмов как архетекст поэзии Квиринуса Кульмана // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 60. С. 195–219.
13. Forster L. W. Quirinus Kuhlmann in Moscow 1689: An Unnoticed Account // Germano-Slavica. 1978. No. 5. P. 317–323.
14. Немецкая поэзия XVII века / пер., сост., предисл. и примеч. Л. Гинзбурга. М.: Художественная литература, 1976. 208 с.
15. Аверинцев А.А. Древнееврейская литература // История всемирной литературы: в 9 т. / редкол.: Г. П. Бердников (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 271–302.
16. Enzensberger H. M. Einladung zu einem Poesie-Automaten. URL: <http://jacketmagazine.com/17/enz-robot.html> (accessed: 12.10.2016).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

INSTRUCTIONAL DESIGN IN THE ERA OF THE FORMATION OF THE POST-INDUSTRIAL INFORMATION SOCIETY

Л.В. Хведченя
L.V. Khvedchenya

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: khvedchenya@bsu.by

В статье освещаются особенности педагогического дизайна в контексте требований современной парадигмы образования. Проанализировано само понятие педагогического дизайна, представлены модели и принципы проектирования учебного процесса, учебного курса и отдельного модуля в условиях смешанного обучения. Отмечается решающая роль ИКТ в проектировании современного образовательного пространства.